

УДК 81'27

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ И ЯЗЫКОВЫХ ПРАВИЛ
(на примере сочинительных конструкций в русском языке)****О. Осборн****TO THE QUESTION OF LANGUAGE NORMS AND LANGUAGE RULES DIVISIONS
(on the example of coordinative constructions)****O. Osborn**

Статья посвящена обсуждению проблемы разграничения языковых норм и языковых правил. На примере нетипизированных сочинительных конструкций обосновывается функционально-прагматическая обусловленность языковых норм.

The article is devoted to consideration of differentiating linguistic standards and linguistic rules. The functional-pragmatic dependence of linguistic standards is proved on the example of non-typized coordinative constructions.

Ключевые слова: языковые нормы, языковые правила, нетипизированные сочинительные конструкции
Key words: language norms, language rules, non-typical coordinative constructions.

В современной лингвистике язык рассматривается прежде всего как средство коммуникации. Признание необходимости изучения социальной направленности языка (начиная с работ Бодуэна де Куртене) наблюдается в различных исследованиях, посвящённых проблемам обусловленности языковых вариантов и изменений в языке социальными явлениями. Следует отметить, что данный круг проблем рассматривается не только в социолингвистике – науке, изучающей функционирование языка в социуме. Социальный аспект языка также выделяется в различных лингвистических исследованиях (например, в традиционном языкознании, прагматике, при изучении формирования концептов языковой картины мира и т. д.). Общим для таких исследований является понятие языковой нормы и её кодификации.

В определении понятия *норма* её социальный характер, проявляющийся в установлении и закреплении границ того или иного понимания корректности в целях регламентирования человеческой деятельности, подчёркивается практически во всех энциклопедиях и словарях. В различных работах, посвящённых проблеме языковых норм, также отмечается их социальная характеристика [1; 2; 3; 6; 7; 8]. В исследовании языковых норм нидерландский лингвист Р. Бартц опирается на положение немецкого учёного В. Хартунга, который подчёркивал, что теория лингвистических норм должна представляться как динамическая теория, изучающая нормы в рамках социальных отношений. Другой немецкий исследователь Н. Лахманн утверждает, что основная функция норм состоит в уменьшении сложности и сокращении непредвиденных обстоятельств в природной и социальной действительности, что помогает ориентироваться индивидууму в любых условиях, так как его ориентация совпадает с ориентацией других людей (цит. по: [6, с. 126]). В этом смысле назначение нормы усматривается в облегчении существования людей и эволюции социума в различных аспектах – культурном, социальном, технологическом и так далее. Аналогично, на наш взгляд, основная функция языковой нормы, обусловленная её социальным характером, заключается в увеличе-

нии эффективности коммуникации между носителями того или иного языка, следовательно, в облегчении понимания друг друга и сокращении двусмысленности в процессе общения, что, в свою очередь, способствует (или в идеале должно способствовать) общественному развитию в тех же различных аспектах – культурном, социальном, технологическом и других.

Вслед за Р. Бартц, мы считаем, что следует различать языковые нормы и языковые (грамматические) правила. Важнейшим выводом в рассуждениях нидерландского лингвиста является то, что языковые нормы представляют собой нормы лингвистического *продукта*, но не лингвистического продуктивования. Языковые правила не являются языковыми нормами, они лишь выступают в качестве средств организации, систематизирования различных норм. Обучение языку предполагает *обучение нормам* данного языка; набор таких норм образуется не только путём ограничений в социальном аспекте, но и благодаря процессу систематизации языковых явлений, который происходит неосознанно. Р. Бартц отмечает гибкость процесса структурирования языка и подчёркивает, что систематизация языковых явлений не может сводиться к установлению единого набора правил [6, с. 155, 190 – 192; 7, с. 49]. Язык, согласно Р. Бартц, находится под влиянием трёх, непостоянных, в свою очередь, факторов. Первый фактор – биологический: биологическая основа человеческого поведения, восприятия и познания, с одной стороны, и, с другой стороны, процессы, происходящие в нервной системе, при изучении или познании. В качестве второго фактора выступает окружающий нас мир, который должен получить языковую репрезентацию посредством выработки основных концептов и базисного синтаксиса. Третий фактор – нормативность языкового коллектива, выражающаяся в выработке стандартов языкового общения. Первый фактор обычно адаптируется к остальным. Однако второй и третий факторы не являются стабильными, поскольку мир вокруг нас постоянно меняется, аналогично меняются и языковые стандарты [7, с. 53].

По этой причине построение фиксированной единой грамматической системы отдельного языка в принципе невозможно. Отмеченный двойственный характер систематизирования языковых данных порождает два различных аргумента в пользу асистемных свойств нормы, что, на наш взгляд, определяет такое свойство языковой системы, как гибкость. С одной стороны, систематизирование языковых норм как сознательный процесс может основываться на различной базе. В зависимости от того, какой аспект систематизации был выбран, какие методы использовались в этих целях и какие конкретные отношения между компонентами выстраиваемой системы были рассмотрены, различные результаты систематизации будут получены. То, что является системным с одной точки зрения, может казаться асистемным, исключением из правил, согласно другой точке зрения. Зачастую лингвист может наблюдать конфликт норм, например, нормы фонетической системы определённого языка могут лежать в основе исключения из правил морфологии и наоборот. В этом смысле, грамматика любого языка представляет собой лишь очень обобщённый свод стандартных высказываний и выражений. С другой стороны, систематизация лингвистических данных происходит посредством мозговой активности, следовательно, данный процесс в той или иной мере всегда субъективен. В результате говорящие постоянно являются источником новых высказываний, которые совсем не обязательно соответствуют существующим нормам. Более того, социальный аспект образования норм предполагает субъективность: носители языка устанавливают нормы общения и сами обязаны им следовать. Тот факт, что данный процесс непрерывен, свидетельствует в пользу естественного характера несоответствия традиционных грамматик разговорному языку. Набор норм бытового языка, языка каждодневного общения всегда отличается многообразием и подвижностью по сравнению с нормами, предписанными традиционной грамматикой.

Примечательно, что подобные выводы прозвучали и в работе российского лингвиста В. А. Ицковича «Очерки синтаксической нормы», где автор подчёркивал социальную направленность и мотивированность литературной нормы русского языка. В. А. Ицкович предложил строгое разделение *языковой нормы*, имплицитно выраженной в совокупности образцовых текстов, с одной стороны, и её *кодификации* – эксплицитном выражении нормы в форме различных грамматик и словарей, с другой стороны. Также В. А. Ицкович отдельно выделяет понятие *нормализации нормы*: если кодификация регистрирует современные нормы языка, то «нормализация – сознательное, целенаправленное воздействие на употребление тех или иных языковых средств» [2, с. 191]. Следует отметить, что сам автор признаёт тесную взаимосвязь явлений кодификации и нормализации и невозможность их разграничения в некоторых случаях, что может быть связано с индивидуальными взглядами кодификатора на нормативность языковых явлений. Данное положение также созвучно идеям Р. Бартца. Нидерландский

лингвист отмечает три основных источника, к которым, как правило, обращаются лингвисты при идентификации языковых норм: работы авторитетных ученых за последние сто лет, чьи взгляды и мнения обычно не оспариваются, ориентирование на определенную социальную или культурную группу людей (может быть, и региональную группу, как, например, Оксфорд по сравнению с другими регионами Англии) и собственная лингвистическая интуиция [6, с. 91]. В результате, отмечает Р. Бартц, формулируется норма, в сомнительных случаях обычно принимается решение в пользу единства и целостности системы, хотя такое решение не всегда является рациональным в том смысле, что нормы стандартного языка могут быть далеки от норм фактической речи [там же]. На тот же факт обращает внимание и В. А. Ицкович: «Нормализация не знает вариантов, в ней противопоставляется рекомендуемое, желательное, «правильное» – нереконструируемое, нежелательное, «неправильное»» [2, с. 192]. Показательно употребление автором кавычек в определении правильного / неправильного в языке, что лишний раз подчёркивает нецелесообразность попыток многих языковедов в выстраивании стройной грамматической системы, когда происходит «подгонка» тех или иных языковых фактов под существующие правила.

Таким образом, в настоящем исследовании языковые нормы понимаются как социальные сущности (термин Р. Бартца), обеспечивающие эффективный процесс коммуникации в социоколлективе. Систематизация норм эксплицируется грамматическими правилами, закреплёнными грамматиками национальных языков. Отклонения от определённых языковых норм могут быть результатом конфликта различных систематизаций. В таком случае невозможно рассматривать отклонения как тривиальные ошибки. С другой стороны, отклонения от нормы может свидетельствовать о *нормотворчестве* носителей языка, чья профессиональная деятельность не связана с лингвистикой. Более того, известны результаты социолингвистических исследований (см., например, в [2; 6; 8]), свидетельствующие в пользу того, что говорящие обычно знают несколько вариантов той или иной языковой нормы и не используют постоянно один и тот же вариант. Именно по этим причинам, в различных ситуациях языкового общения естественно ожидать отклонений от правил традиционной грамматики, которые были установлены лингвистами на основе их собственной лингвистической интуиции.

В данной статье мы намерены продемонстрировать соотношение понятий лингвистических норм и лингвистических правил на примере нетипизированных сочинительных конструкций (НСК). Сочинительная связь возможна как между членами предложения (однородные члены предложения), так и между компонентами сложного предложения (сложносочинённое предложение). Общим для этих двух типов сочинительных конструкций (СК) является синтаксическая равноправность компонентов и вытекающая из этого возможность соотносённости

сочинённых компонентов некоему общему третьему. В случае однородных членов предложения (ОЧП) обязательными их характеристиками являются также общая синтаксическая функция и логическая однозначность. Формальными показателями сочинительной связи выступают сочинительные союзы, выражающие различные смысловые отношения между компонентами СК. Такова интерпретация синтаксического сочинения в современном языкознании.

Наряду с типизированными СК, обладающими полным набором вышеперечисленных характеристик сочинительной связи, выделяются НСК, в которых логика соединения кажется труднообъяснимой, а сочинительный союз, формально подтверждающий наличие сочинительных отношений, не эксплицирует тип таких отношений. Более того, в случае сочинения членов предложения в НСК затруднительно определить сочинённые компоненты как однородные, поскольку соединяются понятия, принадлежащие различным логическим планам, и зачастую (хотя и не всегда) такие члены предложения выполняют различную синтаксическую функцию. Тем не менее данные конструкции всё же являются сочинительными, о чём свидетельствует, в первую очередь, наличие сочинительного союза. В результате проведённых исследований мы пришли к выводу, что мотивация такого алогичного соединения в НСК объясняется прагматическими и когнитивными факторами: данные сочинительные отношения эксплицируются контекстуально, с учётом ассоциативного мышления говорящего, выделяющего понятия или явления действительности как соотносимые, как части некоего целого. Другими словами, «структура предложения формируется взаимодействием двух планов, в одном из которых получает отражение связь предложения с объективным миром, в другом – связь его с процессом мышления» [4, с. 24]. Проиллюстрируем данные положения примерами из произведений русской прозы.

Например, в предложении *... но припоминалось только одно – что, кажется, **вчера и неизвестно где он стоял с салфеткой в руке и пытался поцеловать какую-то даму...*** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) выделяются нетипизированные ОЧП ***вчера и неизвестно где***, выраженные наречиями времени и места, и, соответственно, выполняющие нетождественные функции обстоятельств места и времени (семантическая однородность по В. З. Санникову). Согласно традиционной грамматике и логике, такое предложение, как *Назовите мне **время и место** своего рождения* является правильным, где безоговорочно выделяется однородный ряд ***время и место***, тогда как сочетание наречий ***когда и где*** большинством лингвистов будут признаны неоднородными, а сочетание наречия и существительного ***вчера и в ресторане*** и вовсе может быть определено как речевая ошибка. Однако в речи подобные высказывания встречаются часто. С когнитивной точки зрения, в вышеприведённых примерах, включая булгаковское предложение, временное и пространственное измерения сходятся в одной точке «здесь и сейчас»,

что позволяет говорящему объединить временные и локальные характеристики как равноправные и логически соотносимые для описания той или иной ситуации. В этом смысле существительные абстрактной семантики *время и место* могут быть заменены словами любого класса (вопросительные слова, наречия, существительные конкретной семантики, обозначающие определённый отрезок времени или определённое место) в условиях контекста, когда объект или ситуация описывается, представляется как бы в двух координатах пространства и времени единой темпорально-локативной плоскости.

В предложении *У Юшки в груди **кашель и невзгода** – пускай он питаётся полегче...* (А. Платонов. Чевенгур) логически несоотносимые понятия соединяются как однородные в целях подчеркнуть болезненное состояние персонажа. Невзгода в груди (эмоциональное состояние) метафорически соотносится с кашлем в груди (реальный симптом болезни) для одновременного описания физического и эмоционального состояния больного; значения обоих соединяемых компонентов осмысливаются как негативные, что усиливает эффект описания болезненности героя.

Следующее предложение является примером лексико-семантической однородности, где на семантическую близость сочинённых компонентов указывают их зависимые равнолексемные слова: *Риски она, **при своём статусе и не в своё время**, бросить Борису Игнатьевичу такое обвинение – он размазал бы её по стене* (С. Лукьяненко. Ночной дозор. Свой среди своих). С точки зрения автора высказывания, обстоятельства неуместных обвинений складываются из двух компонентов: статус героини, не позволяющий критиковать босса, и неподходящий момент, когда её мнение не признаётся значимым, что, возможно, вытекает из статуса подчинённого. Сочинительная связь подчёркивает понимание неуместности обвинений в данной ситуации именно *в сочетании* указанных двух причин. В ином случае, в представлении автора, реакция босса не была бы, видимо, такой бурной.

В сложносочинённом предложении *У меня нет крыльев, **но я чту Уголовный кодекс*** (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок) противопоставленность двух частей сложного предложения, выраженная союзом *но* выявляется на уровне прочтения данного предложения в контексте. В данном случае – это предтекст, предшествующее предложение *Я, конечно, не херувим*. Отсутствие крыльев при метафорическом сравнении персонажем себя с херувимом свидетельствует о том, что автор высказывания признаёт, что он не безгрешен. В связи с этим, однако, ему важно подчеркнуть, что он не преступник и не совершил ничего противозаконного. Неопределённость критериев противопоставления в рассматриваемом ССП снимается при контекстуальном анализе данного предложения с учётом прагматических установок говорящего (персонажа).

Таким образом, вышеприведённые примеры демонстрируют то, что сочинительная связь является сложной функциональной структурой и её выраже-

ние многообразно. В связи с этим следует подчеркнуть: НСК, не обладающие полным набором характеристик «идеальных» СК, являются такими же полноправными репрезентантами сочинительных отношений, то есть языковой нормой для выражения этих отношений, что доказывается их широким распространением как в живой речи, так и в письменной форме существования языка. Правила традиционной грамматики, требующие от СК однофункциональности и строгой логической соотносительности, как бы «сковывают», ограничивают проявление сочинительной связи в речи. Однако языковая реальность свидетельствует в пользу обратного: носителям языка понятны такие высказывания, следовательно, когнитивные механизмы, лежащие в основе образования НСК, являются общими для сознания всех членов языкового коллектива. Нормы обычного языкового общения, выражающиеся в использовании сочинительной связи для объединения логически разнородных понятий в целях охарактеризовать предмет, человека или ситуацию с разных сторон, закрепились и в различных письменных текстах, что не всегда соответствует «идеальному», «правильному» оформлению сочинительных отношений в традиционной грамматике.

Литература

1. Золотова, Г. А. Синтаксис и норма / Г. А. Золотова. – М., 1974.
  2. Ицкович, В. А. Очерки синтаксической нормы / В. А. Ицкович. – М., 1982.
  3. Скворцов, Л. И. Литературная норма и вариантность / Л. И. Скворцов. – М., 1981.
  4. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 2003.
  5. Санников, В. З. Русские сочинительные конструкции: Семантика. Прагматика. Синтаксис / В. З. Санников. – М., 1989.
  6. Bartsch, R. Norms of Language: Theoretical and Practical Aspects. / R. Bartsch. – London and New York, 1987.
  7. Bartsch, R. Consciousness Emerging: The Dynamics of Perception, Imagination, Action, Memory, Thought, and Language / R. Bartsch. – Amsterdam and Philadelphia, 2002.
  8. Milroy, J. Authority in language: investigating language prescription and standardisation / J. Milroy, L. Milroy. – London; Boston, 1985.
- Рецензент – Л. Г. Ким, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».*